

Мурманск

Между тем, пока людской поток
погрузился в сирую тоску,
на «бараньих лбах», что на плато,
северяне трескают треску.

Мне бывало скользко на югах
и прохладно в солнечных лучах.
А сейчас, как будто на руках,
Кольский полуостров укачал.

Архаичный мурманский пейзаж
мне милее множества картин.
Словно врач – таёжный вернисаж
поставляет в кровь серотонин.
Мурмурчане летних дней не ждут –
сами генераторы тепла.
А в моём заснеженном саду
незабудка снова зацвела.

Наше слово

Нет неназванных вещей. Вот кефир, тарелка щей,
кресло с деревянной гнутой спинкой.
Нет неназванных людей: это Вольфганг Амадей,
например, звучит сейчас с пластинки.
Между точек полюсов до конечных адресов
письма улетают ежечасно:
имя улицы, моста – все тут названы места.
Впрочем, это целесообразно.

Перечень эмоций, чувств, каталог людей, искусств...
Мне бы в этих бирках бестолковых
разглядеть всего одно слово нужное – оно
станет нашим, подлинное слово.
Выбираю шорох трав, звуки-капли из октав.
Это слишком много слов, конечно.
Добавляю в свой букет бледно-бирюзовый цвет.
А, нашла! Вот это слово. Нежность.

***

Зачем мне так остро? Скажи, полуостров,
хоть слово – ведь слово так много уже.
Понятные речи расцвечены пёстро,
а ты лишь касаешься мягким туше
ступней горечавкой и, выдав мне справку
листочком слетевшим берёзовым – ждётся,
когда я созрею, рассудком иссякнув,
пойму иероглифы тундры – чёртёж
на зелени листьев, сложив воедино
и клюкву, и клевер, морошку и хвощ.
Я верю, что вереск накроет суглинок
моих перекопанных опытом роц.
Я верю, что дремлик не дремлет, что пижма
во мне, как в тебе, плавит горечь лучом.
Иду, не настывшись истиной книжной,
по мхам Заполярья, подставив плечо
туманам и звёздам. Рецепты простые
на справках лесных, без пустой болтовни:
«Смотри, будто видишь всё это впервые,
и в сторону солнца лицо поверни».

Река

И как бы мы ни ссорились в пути, –
гляди-ка, до реки всё ж добрали.
Надеюсь, то не Лета и не Стикс,
не вороны нас встретят, – журавли.

Ты видишь два течения времён?
Кто выпьет с наслаждением из горсти
меж ними воду – будет исцелён.
А мы не сможем, мы не во плоти.
Тому, что утекло, скажи «прости».
Попутный ветер, ласковый, как лён,
нам пожелает лёгкого пути.
Вослед помашет нам приречный клён,
и прах наш Гангом будет унесён.

Раскаяние

Там ландыш прекрасный разбрызгивал яд
плодами дурными и, пряча свой взгляд,
оправдывался перед мёртвою птицей:
«Нам легче раскаяться, чем измениться».
И, это увидев, спустился на Землю
карающий ангел и молвил: «Ты внемли,
растение, зверь, сребролюбец, блудница,
что легче раскаяться, чем измениться!»

Он низко летел – златоглав, белокрыл.
Там лодки тонули, утопленник всплыл.
Он пел, осенев изумлённые лица:
«Вам легче раскаяться, чем измениться!»
Под ним – лоскуты опалённых полей.
Там люди кричали: «Дай чудо, полей!»
Он пел, не послав им даров и крупичу:
«Вам легче надеяться, чем измениться!»

Так тысяча лет люди жили да были...
Раскаялись многие – не изменились.
Характер – как будто пустая страница.
Нам легче раскаяться, чем измениться.

***

Разгребаю листья и сгребаю
их обратно – чем ещё заняться,
если вечность впереди и края
вовсе нет, хоть все его бояться.
Разбегаюсь, прыгаю, бросаюсь –
нет, не в листья, в жгучие ладони
океана, потому что знаю:
полая калюка не утонет.
Всё, что накопилось ядовитым
комом, сгустком, словом и укусом,
смылось океаном Ледовитым,
и русалка снова стала русой.
Попросить, быть может, русских духов
расстелить мне скатерть-самобранку?
Голод тела – мелочь, голод духа
Мурманск утолил, лицом изнанку
заменяв, сумев неразбериху
мыслей упорядочить Поток.
Он напомнил родину и тихий
Тихий океан моих истоков.

Чужой дом

Искрящаяся пыль снегов и ломтик света меж домами
меня встречает – будто к маме попала: запах пирогов
доносится, и голоса детей и взрослых не смолкают.
Глазами пёс «ты кто такая?» лениво спросит. «Полчаса, –
ответчу псу, – мне дай побыть вот тут, у домика чужого
и Рождество тут встретить снова, связать разорванную нить
воспоминаний – свет в окне и хруст морозный тёмных сосен».
«Ты тут жила? – меня он спросит. – Ну ладно, стой, но по весне
пришла бы лучше на огни, сейчас замёрзнуть-то не долго!»
...Я постою ещё в посёлке, в соцветья собирая дни.

Штамп

Со временем каждая фраза становится штампом.
И руки как плети, и руки как ветви, и руки как птицы
взлетают и падают. И мотыльками на лампы
летят неокрепшие души, и ветер листает страницы,
как дни чьей-то жизни. Но чу! Чешуей золотою
подёрнулась лунная где-то дорожка, и снова
поэт отправляется в гости к Медее и к Ною,
и трепетом сердце наполнено в поисках слова.

Со временем можно постигнуть заветное Слово –
распробовав вкус, усмехнуться в усы и, скрипучего стула
покинув оазис, набросив веночек лавровый,
взлететь по-над крышами в синее небо аула.
И пусть рассыпаются волосы шёлком, и даже
пусть смотрит луна опечаленным взглядом, морозы крепчают –
наш берег туманный мы, вытянув шеи лебяжьи,
под болью утрат наконец-то найдём, я ручаюсь!

Острова

По обратной стороне моей ладони, голову подняв, гуляет пони:
«Что за лента впереди, скажи?» – «В МВД паяла витражи
и неловко правой зацепилась за торец стекла, – теперь так мило
этот шрам и точки от шва смотрят на прохожих мордой льва».

По обратной стороне моей лодыжки прошмыгнула бежевая мышка:
«Это что за горка и овраг?» – «Это шрам с названием ГУЛАГ.
В детстве я ходила на заброску, чтоб найти бруснику и морошку.
От колючих проволок узор – памятью на коже до сих пор».

И на острова бесповоротно сходит караван твоих животных.
Вот на мысы пальцев прыгнул кроль: «Этот холм, по логике – мозоль?»
«Совершенно верно, милый кролик. Остров твой, как видишь, трудоголик.
Тысячи цветов – и слов, и нот рассадила грифелем в блокнот».

В эти земли – тихий заповедник памяти моей приют последний,
приходи на день, на час, на чай специально или невзначай.
Птицей прилетай – мудрёной, юной, поброди по белоснежным дюнам.
Весь ковчег твой, даже грустный конь, умещается на тёплую ладонь.

Пасха

Вечереет, и вновь слюдяные окошечки глаз
завершают обзор персонажей, подтекстов и жестов.
Мне казалось – не вымесить тесто,
а оно – «подошло» в нужный час.
Мне казалось – не вынести мимику этой зимы,
затянувшихся чеховских пауз ковидные сводки.
Мне казалось, что трещина в лодке –
неподъёмный январь у кормы.
Оказалось, что важно лишь просто дышать.
Лишь дышать глубоко, возвращаясь к своей точке сборки.
Хоть, конечно, ещё очень горько,
но уже тишина не спеша
заползает в карман «послезавтра» лучами весны.
Отзвучали «Щелкунчики», ангел пронёс меж церквами
Благодатную весть, и пора угощать пирогами
тех, кому мы, как прежде, как прежде нужны.